

НА СЦЕНЕ — ГРЕЧЕСКАЯ ТРАГЕДИЯ

СПЕКТАКЛИ «Электра» Софокла и «Медея» Еврипида мне довелось посмотреть в Москве. С нетерпением ожидал, что мне, зрителю, скажут пирейцы о родном им искусстве. Ведь кому-кому, а им и карты в руки. И ожидания оказались не напрасными.

Мы привыкли представлять себе древнегреческую трагедию, как трагедию, разыгранную на котурнах. Трагедию с приподнятыми и возвышенными чувствами, с живописными и преувеличенными жестами, величественную, но не всегда доходящую до сердца.

Наши гости нашли новый и более верный ключ для своих замечательных спектаклей.

Актеры сошли с котурнов, сняли маски и хотя перестали быть ожившими скульптурами, но не впали в другую крайность — не «обитовали» своего поведения. В этом — большая заслуга режиссера Димитриоса Рондириса. Актеры существуют как люди, говорят человеческими голосами, о человеческих чувствах. Они не шепчут, имитируя обиденное, и не кричат, когда кричит душа. Меня пленила в спектакле та внутренняя напряженность, которая свойственна человеку в пово-

ротные моменты его жизни.

Слушая самобытного актера, порой забываешь о привычном содержании произведения: знакомое предстает как бы в новом свете, появляется словно новый текст, дотоле тебе неизвестный. Так властно повел нас по новому пути замечательный талант Аспасии Папатанассу. Мы не знаем родного языка актрисы, но понимаем сматание, отчаяние, гнев ее Электры, ее Медеи.

Казалось бы, какое мне дело до Ореста и Электры, отец которых герой Троянской войны был вероломно убит злодейской рукой? Но горе, страсти одержимой Электры, взволнованная игра удивительной актрисы, согласованность хора и всех актеров, стройность спектакля в целом властно подчиняют себе. И я начал волноваться с той минуты, как услышал за сценой вопль такой трагической безысходности, что один он готов поднять зал в защиту Электры.

Меня пленил и скупой пластический рисунок внешнего поведения актрисы, далекий от красоты, но красивый и выразительный по своему глубокому и строгому содержанию.

Есть в роли моменты, о которых не можешь не думать. Уди-

вительно сильная и скорбная сцена, когда Электре вручают урну с прахом ее брата. Заплаканное лицо актрисы, ее глаза, полные скорби и горя, от которых невозможно оторваться, говорят о глубочайшем переживании. Бесконечные отчаяние и скорбь, в которые погружается беспомощное существо на полу, потрсают, а ласковые руки, баюкающие бесценный сосуд — урну с пеплом брата, красноречиво досказывают трагедию раненой души.

Голос Электры — Папатанассу, тревожный и прекрасный, глубокий и сильный, безупречно точные интонации актрисы так глубоко передают содержание трагедии, что не понять ее невозможно.

Хор соперничает с актрисой, то солирует, то аккомпанируя солистке, как бы завершая ее трагическую тему. Хор не иллюстрирует чувства героини, он подчеркивает их. Он, как натянута в унисон струна, отзываясь на все душевные движения Электры. 14 девушек существуют и говорят как одна, живут как одна, повторяют внешний рисунок как одна, не теряя при этом каждой индивидуальности. Это удивительная условность, остающаяся условностью и в то же время пе-

реставция быть ею. Это как музыка, исполняемая одним артистом, на одном инструменте.

«Медея» хорошо знакома и москвичам и ленинградцам по спектаклю в Театре имени Вл. Маяковского. С интересом смотрели мы трагедию Еврипида и у наших гостей.

«Медея» — хороший, стройный спектакль, а Аспасия Папатанассу в нем другая, и хор — иной. Но этот спектакль проигрывает все же перед «Электрой». Он ближе к стилизации и потому холоднее.

Сидя на спектаклях наших гостей из Греции, я радовался величии человеческой души, силе человеческого разума, радовался и гордился за моих коллег, за наше с ними искусство, за его эмоциональную силу, способную объединять самых различных людей.

Мысли, заложенные в «Электре» и «Медее», вечны, немеркнущи. Речь идет о борьбе за счастье и справедливость, об истинном гуманизме.

Это современное звучание и потрясает в искусстве наших гостей.

Николай МОРДВИНОВ,
народный артист СССР